

А. Губайдуллина

СЛУЧАЙ И СОБЫТИЕ В СОВРЕМЕННОЙ СИБИРСКОЙ ПОЭЗИИ ДЛЯ ДЕТЕЙ (А. БЕРГЕЛЬСОН, А. ОЛЕАР, Н. ЯРОСЛАВЦЕВ, А. ЕРОШИН)

В современной поэзии для детей значительное место принадлежит творчеству сибирских авторов. Имена таких поэтов, как Александр Бергельсон, Алексей Ерошин (Новосибирск), Андрей Олеар (Томск), Николай Ярославцев (Чита), не очень известны российским читателям. Однако в стихотворениях этих авторов проявлены многие черты актуальной детской литературы в целом: тяготение к жанру миниатюры, игровая поэтика, парадоксальность. Категории случая и события рассматриваются в статье как противоположности. Доказывается, что тяготение в стихах к случаю либо к событию есть два разных художественных способа освоения действительности.

Ключевые слова: современная поэзия для детей, случай, событие, сибирская поэзия, А. Бергельсон, А. Ерошин, А. Олеар, Н. Ярославцев.

Современная поэзия для детей, созданная сибирскими авторами, недостаточно известна широкому читателю. Отчасти потому, что сборники стихотворений зачастую издаются местными издательствами¹ и распространяются преимущественно в своем регионе, либо, как многие новые книги, печатаются в центральных издательствах, но небольшими тиражами. При этом сибирская поэзия продуктивна для прочтения и изучения в разных аспектах. Есть у авторов свои «любимые» темы и мотивы: образы природы, тайги; мотивы зимы, холода, широкая анималистика... Можно отметить, что поэты не всегда оригинальны в своем творчестве и порою повторяют сюжеты или образы своих предшественников. Но по большей части произведения сибиряков интересны, не имеют ярко выраженной региональной специфики и отражают тенденции развития современной детской литературы.

В данной работе рассматриваются категории «случая» и «события», которые мы истолковываем как антонимы в аспектах хао-

тичности/упорядоченности; неожиданного/ожидаемого. Тексты нескольких сибирских авторов выбраны для исследования не потому, что апелляция к случаю является только их прерогативой, скорее, для того, чтобы познакомить грамотного, профессионального читателя с малоизвестными именами и выявить общие поэтические особенности времени на конкретном материале.

Слова «случай» и «событие» в современном лексиконе предстают почти синонимами. Оба употребляются в значении происшествия, явленного жизненного факта. Однако некоторое время назад (в конце XIX — начале XX вв.) семантика существительного «событие» была иной и в большей степени отвечала внутренней форме слова. Как отмечает Андрей Смирнов, в нем акцентировались признаки совместности (от приставки «со-») и одновременности, принадлежности к одному времени (от значения корневой части, родственной таким словам, как «быть», «сбыться», «будущее» и многих других).

В XIX в. у этого существительного были все основания стать сегодняшним конкурентом слова «закономерность». Дело в том, что «событие» уже начало тогда употребляться в этом значении и даже занимало антонимическую позицию при слове «случай». В словарной статье на слово «сбывать» Даль пишет о «событии», соотнося его с глаголом «сбываться». Получалась такая пропорция: «случаться» — «случай», «сбываться» — «событие», где «событие» занимало клеточку ожидаемого, предсказанного происшествия, тогда как «случай» (от «со-лучать») обозначал происшествие неожиданное, непредвиденное, произошедшее даже не по воле жребия или провиденья. «Событие» — «все, что сбылось, случилось» [Смирнов 2002].

Получается, что в слове «событие» скрыты признаки совместности действия, а также логика закономерности: если что-то «сбылось», значит, имело предпосылки и основания для своего возникновения. «Событие, по мысли философов, принципиально сингулярно и может получить собственное имя, то есть индивидуальную выраженность. <...> Событие — временная сущность, так как предполагает наступление момента своего осуществления. Актант, или субъект, может принимать участие в свершении или наблюдении события, которое в таком случае называется заполненным, а может и не участвовать (пустое событие)» [Филатенко 2012, с. 216].

Случай же характеризуется отсутствием прямых закономерных связей в поведении субъектов и объектов. Случай множественен

А. Бергельсон
«Ура для комара», 2007

и непредсказуем. Он не предполагает ожидания и не требует от субъекта глубокой погруженности в происходящее.

Тему случая помогает реализовать игровая природа детских текстов. Само слово «случай» в поэзии почти не употребляется, но именно случай вступает в силу тогда, когда речь не идет об объяснении причин какого-то явления, да объяснение и не требуется. Произошедшее чудачество описывается как само собой разумеющееся, потому что авторский поэтический мир априори допускает любую ситуацию: «Гиппопотам / Взобрался на батут. / И тут... / Батуту / Наступил капут» (А. Ерошин «Гиппопотам на батуте») [Ерошин 2016]. Стихотворение о случае, как правило, не имеет явной темпоральности, в нем редуцируется сюжетность, остается только казус, короткое происшествие. В этом отношении показательны стихотворения Александра Бергельсона.

Сборник новосибирского поэта «Ура для комара» включает семьдесят стихотворений. Треть из них — это короткие «случаи», самостоятельные четверостишия. Даже в тех книгах, когда графически текст разделен на большее количество строк, рифма и ритмический рисунок «подсказывают» интонационное деление на четыре фразы.

Большая группа стихотворений сборника А. Бергельсона включает миниатюры, в которых две части семантически или интонационно противопоставлены друг другу. «Мы катались на коньках, / только очень мало. / Маша — плюх! Наташа — бах! / Ну и я — упала...» («Коньки») [Бергельсон 2007, с. 24]. В подобных стихо-

творениях вторая часть логически продолжает идею первой, но одновременно и опровергает ее. Стихотворение «Коньки» посвящено неудавшемуся развлечению. Однако субъектом сообщения катание на коньках видится не как фиаско, а как свершившееся, хотя и короткое действие (катались, хотя и «мало»), то есть просто отличающееся от принятого, давшее иной результат. Позитивность детского мышления, под которое стилизован текст, связана с отсутствием у ребенка сложившейся классификации плохого/хорошего, успеха/неудачи. В миниатюре «Коньки» несостоявшееся катание становится, тем не менее, источником сильных впечатлений, что доказывают междометия: «плюх», «бах».

В стихах — *«случаях»* Бергельсона встречаются два субъекта действия. Парность отражается в структуре названий многих текстов: «Про Деда и его Короеда», «Хулиганы и диваны», «Компот и бегемот», «Сон и слон», «Миля и крокодил» и так далее. Рифменное удвоение воплощает диалогический принцип письма А. Бергельсона; это метод расчленения и связывания неблизких понятий с целью постижения объемной сущности явлений. С другой стороны, парность может быть воспринята как стилистический прием, облегчающий восприятие текста и гарантирующий его запоминаемость.

Готовность к эксперименту, эвристичность требуются для описания окружающей действительности: «Динозавры ели завтрак. / Ну и съели целый лес. // А соседний лес — на завтра. / Потому что / он — / не влез!» («Динозавтрак») [Там же, с. 41]. Столкновение двух явлений, диалектичность мышления, о которой было сказано выше, дает импульс к возникновению синкретических, гротескных образов: «динозавтрак», «ежадины». Воспринимающее сознание готово к феноменологическому переосмыслению мира. Давно знакомые и понятные предметы реальности, попадая в фокус внимания поэта, начинают выглядеть и действовать неочевидно: «В зоопарке сторожа / рассердились на моржа. // Да, усищи у моржей / лучше, чем у сторожей!» («В зоопарке») [Там же, с. 55]. В последнем случае, отталкиваясь от метонимического сходства и созвучности существительных (моржей / сторожей), автор добивается развития лирической ситуации, однако не «пересказывает» сюжет полностью. Кульминация (что случилось с героями после того, как они «рассердились»?) и развязка остаются нераскрытыми. В четверостишиях Бергельсона всегда остается смысловая неопределенность, лакуна для домысливания истории. Думается, что форма

миниатюры необходима автору, чтобы, при сохранении сюжетности, предусмотреть в тексте потенциал для интеракции.

В стихотворениях Алексея Ерошина (Новосибирск) тоже выражена своеобразная парность: случай часто представляет собой несовпадение. Это может быть столкновение имени и вещи: «Удивлялся бегемот: / “Почему я / БЕГЕ-мот, / Если я / Не бегал сроду, / А совсем наоборот?”» («Недоразумение») [Ерошин 2012]. В этом случае тексты обнаруживают свою игровую, каламбурную природу. Столкновение может касаться желания и возможностей: «Медведь решил проведать пчел, / Но нрав пчелиный не учел. / От множества пчелиных жал / Стремглав сластена убежал» («Сластена») [Ерошин 2012]; несовпадения героя со временем («Про портняжку») [Ерошин 2009, с.11] или с местом: «Мы на автомагистрали / Провели хоккейный матч. / Матч мы с другом проиграли, / И теперь нам нужен врач <...>» («Хоккеисты») [Там же, с. 19]. С одной стороны, случай описывает одиночное происшествие, но благодаря многовариантной природе бытия случаев может быть бесконечное число.

В стихотворениях названных поэтов наблюдается описание случая как своеобразного «минус-события»: то есть задуманного одним образом (как катание на коньках, поедание меда, хоккейный матч) — а осуществившегося иначе.

Случай тяготеет к парадоксу. Очень ярко парадоксальность случайного выражена в стихотворениях-небылицах Николая Ярославцева (Чита). Некоторые его небылицы строятся по принципу перевертыша, благодаря которому «ребенок укрепляется в уже полученном им правильном представлении о мире» [Арзамасцева 2007, с. 77]: «По заснеженному полю / Бегал синий крокодил» («Синий крокодил») [Ярославцев 2003, с. 139] или: «Говорят, в реке однажды / Рыбы высохли от жажды. / Долго мучались, крепились... / А сегодня утопились!» («Слухи») [Ярославцев 2003, с. 129].

Другие же небылицы обладают кумулятивностью. Перечисление явлений имеет два конституирующих признака: «вариативность структурно-синтаксической организации» и «открытость перечислительной цепи» [Левашова 1976, с. 13]: «На закате, утром рано / Капал дождик высоко. / Я на кухне из-под крана / Пил парное молоко. // Вдруг упала швабра с пола / И пробила табурет. / Быстро я собрался в школу, / Так как там занятий нет. // Взял пустой портфель под мышку, / Положив туда кота, / Колбасу, пирог и книжку / Без усов и без хвоста <...>» («На закате, утром рано...»)

Н. Ярославцев «На летающей тарелке», 1993

[Ярославцев 1993, с. 18. Далее страницы этого издания цитируются в квадратных скобках без повторного указания источника]. Из-за открытого перечисления, которое, при желании, можно длить до бесконечности, мир одновременно изображается как эклектичный, но и целостный в своей парадоксальности. Герой не склонен к отрицанию чудачества, следовательно, и чуда. Так же, как в стихотворениях А. Ерошина, герой Ярославцева — соглядатай удивительного. Закономерно, что многие стихотворения о случае начинаются сакраментальным свидетельством очевидца: «Я видел, как летом, / в начале июля, / По небу со свистом / летела кастрюля. / И что тут смешного... / Кастрюля летела. / А может, она / полетать захотела? <...>» («Я видел...») [Там же, с. 21]. Сравни также: «Вот как-то раз...» («Под микроскопом») [Там же, с. 16], «Я попал, ребята, в лес...» («Лес чудес»).

Случай актуален тогда, когда момент встречи с ним еще не стал фактом прошлого, и живет в восприятии участника / наблюдателя. Об этой ограниченности случая, безотносительно к детской литературе, пишет Райнхарт Козеллек: «Во временном аспекте категория случая полностью принадлежит настоящему. Ее нельзя ни вывести из горизонта ожиданий — разве что как внезапное его нарушение, — ни постигнуть как следствие прошлых причин: тогда это уже не была бы случайность» [Козеллек 1979, с.171]. В случаях, описанных в стихотворениях сибирских авторов, нет связи с исто-

рией, культурой, системой природного космоса. Случай всегда ситуативен.

У Ярославцева случайное инвертирует привычный нам порядок жизни: «Мчалась тень от лимузина, / В ней сидели два грузина, / Ей навстречу тетя Зина / Шла домой из магазина, / А в руках у тети Зины / Две огромные корзины. // Вдруг удар! — / И тетя Зина / Смяла тень от лимузина! // Раскатились корзины. / Испугались грузины... // Тетя Зина рассмеялась: / И прическа не помялась! / Подняла свои корзины / И пошла к себе домой» («Тетя Зина») [Ярославцев 1993, с. 135]. Недаром в стихотворении фигурирует не лимузин, а «тень лимузина» — его обращенная версия. Стихотворение интересно ироническим обыгрыванием реалий жизни (лимузин–магазин) в сочетании с казусом небывалого (богатырская тетя Зина оказывается сильнее машины). Образ тени актуализирует обратную сторону вещей: всегда есть другая версия бытия, альтернативная возможность, и случай намекает на нее или прямо выводит к ней, как в другом тексте: «Вот как-то раз / Один микроб / Взглянул в огромный / Телескоп / И закричал: / — Вот это да! / На небе — / Черная звезда! // Наверно, этот чудачок / Увидел мой большой зрачок» («Под микроскопом») [Там же, с. 16]. Случай позволяет «встретиться» черному и светящемуся; микро- и макрокосму (микроскоп / телескоп; зрачок / звезда). Случай не развивается в закономерность, наравне с отсутствием каузальности он лишен развития действия во времени, он остается из ряда вон выходящим. Но его значение как раз в приращении оттенков и дополнительных *картинок* (курсив мой. — А. Г.) бытия!

В общем виде случай в поэзии Н. Ярославцева, А. Ерошина, А. Бергельсона можно считать отражением игры с реальностью, где хаотичный и пестрый мир предоставляет ребенку разные грани нового, и ни одно из проявлений не может быть отвергнуто как невозможное, либо как ложное. Всякая категоричная позиция встречает встречную версию и уживается с ней в едином поле случайного.

Если представления о случае у сибирских авторов, в целом, совпадают, то в описании события присутствуют существенные различия. В стихотворениях А. Ерошина и Н. Ярославцева угадывается бахтинское деятельностное и диалогическое видение: «Понять предмет — значит понять мое должествование по отношению к нему (мою должную установку), понять его в его отношении ко мне в единственном бытии-событии, что предполагает не отвлече-

ние от себя, а мою ответственную участность. Только изнутри моей участности может быть понято бытие как событие, но внутри видимого содержания в отвлечении от акта как поступка нет этого момента единственной участности» [Бахтин 1996]. У Ярославцева со-бытийностью отмечен акт коллективного труда («Чистота», «Дом для птиц», «Чем пахнет хлеб», «Авиатехник»).

Как проявлена со-бытийность? Во-первых, лирический герой выступает полноправным участником процесса: «Не чьим-то, а своим трудом / Готовим с дедушкой дом!» («Дом для птиц») [Ярославцев 2016]. Событие подпитывается делом, и даже, когда для ребенка, казалось бы, роли в общем процессе не находится («Спасите нашу кошку», «Грибы соленые» или «Чем пахнет хлеб»), герой, тем не менее, вовлечен в общее действие: вдыхает запах хлеба, попавшего на стол после долгого труда; всю ночь не спит вместе с братишкой, пока кошка рождает котят; принимает предложение отведать грибы: «Говорят мне: — Будь бодрей! / Нас попробуй поскорей! // Хочешь — вилкой, хочешь — ложкой, / С хлебом, с луком да с картошкой. // Ешь давай, а не глазами, / Да зови к столу друзей!» [Там же]. Идея совместности, на которой зиждется событие, поддерживается местоимениями первого лица множественного числа: «моем *нашу* козу», «*мы* ездим», «спасите *нашу* кошку» и так далее. Во-вторых, в «событийных» стихотворениях больше, чем в стихотворениях о случае, различимы переживания героя. Это эмоционально насыщенные стихи: «*Рад* мой маленький братишка...» («Спасите нашу кошку»); «*Довольны* дедушка и я, / Скворчиха и скворец» («Дом для птиц»); «*Ах, какая красота!*» («Чистота») [Там же].

Со-бытийность как совместность отражена и в психологическом параллелизме. Мир движется в едином ритме, и человек может не только уловить общее движение в отдельных явлениях, но и встроиться в общую гармонию. Квинтэссенция — текст Н. Ярославцева «Шел трамвай и шел автобус...»:

Шел трамвай и шел автобус,
Шел куда-то человек.
Ни о чем не беспокоясь,
Шел с утра липучий снег.
Кот шагал по тротуару,
Шел на запах колбасы.
Шла торговка по базару,
Шли вокзальные часы.

Все куда-нибудь шагало,
 Мчалось, ехало, текло...
 Время тоже не стояло —
 Время в будущее шло [Там же].

В одном ряду упоминаются объекты антропоморфные и не антропоморфные, материальные и невещественные. Принцип «*на-низывания*» помогает добиться универсализации. Поэтическое сознание Ярославцева традиционно в видении человека частью онтологии. В его поэзии ребенок фиксирует свое именно деятельностное сходство с явлениями природы в движении («Где живет ветер?»), в игре («Хорошо играть», «Май»): «По зеленой по лужайке / Бегал май в зеленой майке. / Бегал, как веселый мальчик, / И пинал футбольный мячик. / И смотрел я удивленный / На веселый мир зеленый!» («Май») [Там же].

Если стихи о случаях подчеркивают несовпадение двух актантов, то для раскрытия события нужно как раз совпадение, угадывание сходства. Параллелизм подчеркивает не только Н. Ярославцев, но и А. Ерошин. В его творчестве родство явлений основано как на их действиях, так и на внешнем сходстве. Так, в миниатюре «Кактус и дикобраз» событие сводится к факту знакомства двух «колючих», но знакомство — не просто формальная встреча, но основание для симпатии, для преодоления одиночества. Нахождение сходства может стать основанием для сочувствия: «У жука броня крепка, / У жука внутри жужжалка. / Мне жука немножко жалко / Выпускать из коробка. // Но ведь мы с жуком похожи — / Любит жук прогулки тоже! / Что же, жук, живи в саду, / В гости сам к тебе приду!» («Жук») [Ерошин 2016].

Сходство также может быть не явным, но предполагаемым, как, например, в стихотворении «Динозавр». По сюжету, динозавры вымерли из-за небрежного отношения к окружающим. Последняя строфа обращена к читателю, к собеседнику: «Поскорей походи в музей, / На беднягу поглазей / И подумай, что с тобою / Может статья без друзей» [Ерошин 2009, с. 5]. В таком случае событие приобретает дидактический посыл и воспринимается как архетипическое: вечно воспроизводящееся, повторяющееся в жизни разных героев. В связи с проекцией свойств одного персонажа на другого интересно рассматривать событийность как *примерку* чужой экзистенции. Со-бытие — это возможность прожить жизнь за себя и за другого: «Имеет восемь ног паук. / А может, лап. А может, рук. / Но восемь — это точно. // Когда у бабушки бы вдруг / Внезапно

стало восемь рук, / Одной лишь пары вместо, / Тогда бы две ее руки / Вязали шарфы и носки, / А две месили тесто» («Паук и бабушка») [Там же, с. 16].

Для поэзии Алексея Ерошина характерно описание события, которое не столько меняет окружающий мир, сколько изменяет отношение героя к этому миру. Главным событием становится расширение угла зрения, которое происходит во встрече и в диалоге с людьми, животными или природой. Например, мальчик из разговора с *медленным* пони узнает, что работа важнее бестолкового бега («Пони») [Ерошин 2016]. Астроном — любитель считать статичные предметы — впервые встречается с подвижными облаками, не может их сосчитать и в итоге отправляется вместе с ними в бесконечное путешествие («Счетовод») [Ерошин 2013, с. 28].

Эти примеры подтверждают концепцию событийности Вадима Руднева. Исследователь называет три условия, необходимых для того, чтобы событие свершилось: во-первых, должен быть носитель антропоморфного сознания; во-вторых, событие должно стать для субъекта значительным, то есть экзистенциально изменяющим его поведение в масштабе какого-то жизненного периода; наконец, событие предполагает описание, то есть событие — это в большой степени то же самое, что и рассказ о событии, который не связан напрямую с физическим действием [Руднев 2007, с. 53]. Сибирская детская поэзия передает событийность как изменение мировоззрения героя. В отличие от случая, речь идет не просто о фиксации многоликих жизненных форм, но о принятии дополнительной модели существования, о поиске глубинных связей между разрозненными элементами.

При этом у событийности в поэзии Алексея Ерошина есть одна неожиданная особенность: со-бытийность как духовная связь с миром оборачивается потерей материального, своеобразной *«латой»* за обретение нового («Я гулял на облаках», «Искусство сложения», «Работяга»). Характерно название «Искусство сложения», где сложение может быть понято в двойном ключе: сложение фигурок из бумаги и сложение как арифметическое действие, посредством которого из двух или нескольких чисел получают новое. Ребенок создает подарки для мамы, моделируя дополнительную реальность: птиц, животных, предметный мир. «Я сложения знаток, / Я могу сложить листок / В стайку белых голубей, / В самолетик и цветок» [Ерошин 2013, с. 7]. Однако в конце концов сложение оборачивается «вычитанием»: «Я бы все сложить хотел, /

Но от этих сложных дел / На столе блокнот у папы / Очень сильно похудел». Подобная *компенсация* реализована и в стихотворении «Я гулял на облаках» [Там же, с. 6], давшем название авторскому поэтическому сборнику: освоение неба оборачивается прогулкой по лужам и промокшими ногами. Событие как приращение как будто активизирует закон сохранения энергии: за приобретенную новизну (опыта, понимания чужой жизни, создания вещей) герой чем-либо жертвует. Так, в стихотворении «Эстафета» малыш делится конфетой с ребятами из детского сада и получает обратно «только фантик», но осваивает новую игру и состояние общности.

Еще одну версию событийности предлагает сборник Андрея Олеара (Томск) «Жираф в городе». В книге 12 разделов, половина которых объединяет стихотворения, начинающиеся с союза «если». «Если бы», «если» — самое употребимое слово сборника. «Если бы папа вставал рано утром...» [Олеар 2007, с. 60], «Если вы летите к звездам...» [Там же, с. 122], «Если бы тигр, / усатый и страшный, / стал вдруг не хищным, / а очень домашним» [Там же, с. 22] — и так далее. Авторская модель строится на додумывании, дотраивании, фантазировании явления, которое, развиваясь в сознании лирического героя, тем не менее, приобретает признаки событийности. У каждой фантазии есть развитие во времени, процессуальность. Многие стихотворения строятся по одной схеме. Некий объект (как правило, наделенный антропоморфными чертами) попадает в воображении лирического субъекта в несвойственную для этого объекта ситуацию, либо приобретает нехарактерные признаки. Ситуация развивается, приобретает ряд следствий — и в итоге объект перевоплощается в другой: «Если б на ветках / у сосен и елок / вместо коротких / и длинных иголок // выросли листья / громадной длины, / с тенью, в которой / любили слоны // целыми днями / бездельничать, — это / было бы в джунглях / Африки! Лето // квартировало бы / там круглый год, / с ним — разноцветный / птичий народ. // Грозди бананов / и черных мальчишек / (вместо привычного / множества шишек) // нас убедили бы: / эта сосна / сделалась пальмой / на все времена!» («Сосна») [Там же, с. 56]. В этой поэтической вселенной мы тоже имеем дело с со-бытием как пониманием бытия другого, через проживание, пусть даже воображаемое. Закономерно, что ряд стихотворений Олеара развивается в логике сюжетного движения от «чужого» — к присвоению чужого, к своему: «Если бы папа вставал рано утром» (начало) — «Был бы мой папа не папой, а мной!»

Слева: А. Ерошин «Прятки», 2009. Справа: А. Олеар «Жираф в городе», 2007

(финал); «Если бы тигр, / усатый и страшный, / стал вдруг не хищным, / а очень домашним» (начало) — «хищник стал Васькой, / нашим котом!» (финал). Благодаря нахождению метафорического сходства жираф становится троллейбусом, змея — электричкой, муравейник — многоэтажным домом. Однако это не постмодернистский релятивизм и не игровая трансформация всего во все, а попытка угадать действительно событийную, состоятельную связь вещей.

В итоге, в поэзии современных сибирских авторов для детей случай и событие сосуществуют в качестве двух типов взаимоотношений с реальностью, которые условно определяемы как экстенсивное и интенсивное освоение мира. Фиксация случайного отражает, прежде всего, многообразие версий бытия, множественность повседневных явлений и потенциальную вероятность проявления небывалого. Можно сказать, что случай расширяет пространство для самоопределения героя, а событие отвечает за собственно самоопределение. Если случай воплощается в поэзии через контрасты и противопоставления, и герой маргинален по отношению к происходящему, то событийность актуализирует внутреннее и внешнее родство, параллелизм сторон, и вовлекает героя в действие, со-действие, со-переживание. В творчестве того или иного автора может преобладать один или другой *полюс*; так, в миниатюрах Александра Бергельсона редуцирована событийность, а поэзия Алексея Ерошина, скорее, отдает предпочтение событию.

Примечания

¹ Например, сборники Александра Бергельсона «Ура для комара», Андрея Олеара «Жираф в городе» — проект «Карусель» Томска; книги «Где живет ветер?», «Почему растут усы?» Николая Ярославцева — Восточно-Сибирское издательство Иркутска.

Источники

Бергельсон А. Л. Ура для комара. Стихи для детей и их родителей. Томск: Карусель, 2007.

Ерошин А. // Кукумбер. Детский литературный иллюстрированный журнал. 2012. URL: <http://kukumber-ru.livejournal.com/22724.html> (дата обращения: 30.05.2016).

Ерошин А. Персональный сайт. 2016. URL: <http://vostrelok.narod.ru/content/stihidet.html#69> (дата обращения: 30.05.2016).

Ерошин А. Прятки. Серия «Настя и Никита». Приложение к журналу «Фома». Выпуск 8. 2009.

Ерошин А. Я гулял на облаках. М.: Фордевинд, 2013.

Олеар А. Жираф в городе: Стихи для детей и их родителей. Томск: Карусель, 2007.

Ярославцев Н. В. На летающей тарелке. Стихи для детей. 1993.

Ярославцев Н. В. Персональный сайт. 2016 URL: <http://nikolyaroslavtsev.jimdo.com> (дата обращения: 30.05.2016).

Ярославцев Н. В. Синий крокодил. Чита. 2003.

Исследования

Арзамасцева И. Н., Николаева С. А. Детская литература: учебное пособие. 4-е изд. М.: Академия, 2007.

Бахтин М. М. К философии поступка // И. В. Пешков. М. М. Бахтин: от философии поступка к риторике поступка. М.: Лабиринт, 1996.

Козеллек Р. Случайность как последнее прибежище историографии / Reinhart Kosellek. Der Zufall als Motivationsrest in der Geschichtsschreibung. Пер. Т. И. Дудниковой // Reinhart Kosellek. Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlicher Zeiten. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1979. С. 171–184.

Левашова В. А. Лингвистическая природа и функционирование стилистического приема перечисления (на материале английского языка). Диссертация на соискание степени канд. филол. наук. М., 1976.

Руднев В. П. Философия языка и семиотика безумия. М.: Территория будущего, 2007.

Смирнов А. А. История слова «событие» / Текстология. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.textology.ru/article.aspx?ald=168> (дата обращения: 24.05.2016).

Филатенко И. А. Понятие «событие»: философские основы интерпретации // Молодой ученый. 2012. № 4. С. 212–216.